
ГАСТОН ЛЕРУ
АГОНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ
РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Гастон Леру

Агония царской России. Революция 1905 года глазами французского писателя

Серия «Документальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74433561
Агония царской России. Революция 1905 года глазами французского писателя: Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-683-3

Аннотация

Гастон Леру (1868–1927) – один из мэтров детективного жанра. Его романы «Тайна желтой комнаты», «Призрак оперы», «Кровавая кукла» известны на весь мир. Не раз он бывал в России – как популярный журналист. Леру освещал события Русско-японской войны. За эти статьи император Николай II наградил писателя Орденом Святой Анны. Во время Первой русской революции Леру путешествовал по России, своими глазами видел, как бурлит страна. Встречался с политиками – и провластными, и оппозиционными. Из его статей и мемуарных записей тех лет сложилась эта книга, которую вдова писателя выпустила вскоре после его смерти. Французский

писатель объективно оценивал события, которые проходили у него перед глазами: расстрелы, демонстрации, забастовки, крестьянские волнения, резня в Баку и еврейские погромы… Империя оказалась на грани распада – и писатель честно фиксировал симптомы болезни, которая очень скоро приведет к распаду самодержавия. Без размышлений Леру трудно понять историю России и Русской революции. Читайте главную книгу о революции 1905 года!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Репетиция катастрофы 8
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Гастон Леру
Агония царской России
Революция 1905 года глазами французского писателя

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Гастон Леру

Репетиция катастрофы

Видишь эту спичку – это император…

Падает снег. Вся земля покрыта снежным саваном. Вокруг лишь однообразная белая тоска. Посреди бескрайнего безмолвного пространства мимо огромных елей, растопыривших мертвые лапы, быстро скользят наши сани. На белоснежной сельской равнине нет ни одного темного пятна. Повсюду, словно на похоронах, разлита печаль. Вдоль дороги выстроились заледенелые избы. Они кажутся совсем маленькими, каждая размером не больше могилы. И лишь одно оживляет мертвый пейзаж – это наши летящие сани и разгоряченная лошадь, с груди которой валят клубы пахучего пара.

Однако есть еще одно место на этом мертвом пространстве, которое выглядит даже мертвее самого мертвого. Это совсем маленький город, в который мы держим путь. Называется он Царское Село. На улицах его нет ни души, непроницаемы окна домов. Их заиндевелые стекла укрывают от посторонних взглядов надежнее, чем сомкнутые веки укрывают от света глаза. Кажется, что город сошел со страниц гоголевской повести и населен мертвыми душами. Там, за

неприступными стенами, существует неведомый нам мир… Люди, живущие в нем, не говорят, не кричат и не плачут.

Всё упорнее слухи, что где-то в далеких пустынных краях проснулся волк и страшно завыл. Но кто знает, где эти степи, в глубине которых уже слышен волчий вой? Сколько дней и ночей надо мчаться на наших санях по замерзшей земле, чтобы увидеть, как страшен он в гневе своем? Мне это неведомо. Мне знакомы лишь люди, живущие неподалеку от мертвого города, те, что 9 января безропотно позволили себя убивать. Их убивали, а они молчали, не бунтовали, не протестовали, вели себя смирно…

Наши сани проносятся мимо большого белого заброшенного дворца… Кажется, что архитектор слепил его из снега, добавил льда и мороза, и теперь он похож на драгоценную зимнюю безделушку…. Но что это, неужели какой-то волшебник мгновенно перенес нас в Китай? Какой непостижимой фантазией давно усопшего самодержца в этой безмолвной пустыне устроен уголок далекой Манчжурии?.. И правда, я вижу настоящую маньчжурскую деревню, похоже, последнюю маньчжурскую деревню, которую еще не успели разрушить до основания… Увы, в этом зрелище я усматриваю зловещий намек!.. Я думаю, императорский архитектор предвидел, что настанет день, когда от всей русской Манчжурии только и останется, что этот уголок.

В наступившем году снег выглядит особенно зловеще. Кажется, что под снегом захоронено что-то такое, что не удаст-

ся сыскать даже весной, когда растает он под лучами новорожденного солнца, что придет в эти края с восточных окраин…

Решетка, солдат. На плече у солдата винтовка с примкнутым штыком… Еще одна решетка, еще один солдат, еще один штык… Вот парк, обнесенный стеной, а вокруг стены – снова солдаты. Помести под такой надзор любого пленника, и он ни за что не сбежит. Посреди маленького парка стоит маленький дворец, и в нем проживает коронованный пленник. Это император. Говорят, что он смирился и даже не пытается убежать. Давно уже никому не доводилось увидеть, как резвые кони уносят его по одной из дорог подальше от этого узилища, где неусыпно стерегут его и собственная семья, и собственные слуги, и собственная полиция… А он и не пытается обмануть судьбу и тихо сидит во дворце.

Сейчас расскажу вам, как устроена его жизнь.

Встает он в семь часов утра. Вскоре подают легкий английский завтрак: tea and toasts. С восьми до десяти часов утра император работает. С десяти до одиннадцати прогулка по лугу. Пардон, по аллее парка. С одиннадцати часов до часа дня царь принимает посетителей. С часу до половины третьего обед. Обед продолжается долго, потому что это время отведено для семейного общения. Иногда, когда члены семьи остаются одни, император даже может свободно побеседовать со своей женой и детьми. Правда, слуги все равно не понимают, о чем они говорят, потому что в царской семье

говорят между собой по-английски или по-немецки. Отметим важные детали. Император очень любит суп и каждый день за обедом ест его. Он никогда не курит сигары, только сигареты, подаренные ему турецким султаном. Употребляет император только один сорт ликера: вишневый мараскин. В половине третьего он неизменно совершает небольшую прогулку по парку. Затем до восьми часов вечера император работает. Он постоянно что-то подписывает, подписывает, подписывает, а потом читает бесконечные доклады. У этой работы нет ни начала, ни конца. Стоит ему ознакомиться с одним докладом, как сразу приносят другой. В восемь часов ужин, а потом опять надо что-то подписывать, и так продолжается до одиннадцати часов вечера… В одиннадцать часов император засыпает под мерный стук каблуков охранников, вышагивающих по закольцованным дорожкам парка…

Не подходить!.. Вас остановят еще до того, как вы вознамеритесь подойти… Охранники сразу догадаются, что вы можете захотеть подойти… Что вы здесь делаете? Кто вы? Что вам надо?..

Несколько недель тому назад царственный узник прогуливался по парку. Внезапно какой-то человек бросился к нему и упал перед ним на колени, перегородив таким образом путь императору. Как оказалось, это был бедный человек, работник парка, приставленный мести дорожки. Он вовсе не намеревался освобождать императора, а хотел лишь испро-

сить царской милости. Человек и рта раскрыть не успел, как уже был схвачен и избит. Его уволокли, и он исчез… Так император и не узнал, что было надо этому человеку. Зато это стало известно мне, а я все, что знаю, расскажу вам. Полиция полагала, что ей все известно о царском метельщике, потому что он уже два года состоял в штате дворца. А между тем он оказался беглым каторжником и наверняка собирался просить царя, чтобы его больше не отправляли на каторгу. Говорят, что его просьба была удовлетворена. Вот только кто может сказать, где он теперь? Похоже, что нигде…

…Император печален и мрачен. Тосковать он начал 9 января, в тот самый день, когда его народу устроили бойню. С тех пор его мучают страшные угрызения совести, он стыдится… за других… В этом маленьком дворце он провел тот самый роковой день, сюда же прибыла императрица-мать, сбежавшая из Петербурга в наемной карете… Именно здесь больше не появляется Победоносцев, потому что Победоносцев вообще больше нигде не появляется. Зато здесь бывает великий князь Владимир, который меланхолично расчесывает свою экзему и не признает никакой личной ответственности за события, происшедшие 9 января. Так кто же несет ответственность за 9 января?

В тот день император совсем было уже собрался ехать в Петербург. Если бы он действительно поехал, тогда катастрофы удалось бы избежать. Но он взял и не поехал. Точно так же он собирался ехать на войну, но не поехал. Он посто-

янно готов что-то предпринять, но никогда ничего не делает. Получается, что он чувствует ответственность за неотданный приказ гораздо сильнее, чем за приказ отданный. Когда чего-то не хочешь, это значит, что ты поступаешь более решительно, чем когда хочешь, а незнание гораздо мучительнее, чем знание.

Приехал в Царское Село генерал Стессель, пал перед императором на колени и прокричал: «Прости, батюшка, это моя вина!» Батюшка поднял его и облобызал со словами: «Нет, Стессель, вина в том моя!»

Бедный император!.. А теперь ему еще и хотят навязать конституцию.

Выходим из саней на Царскосельском вокзале. Зал ожидания пуст, только два мужика, сидя на скамье, развлекаются, перекладывая спички. Подходим, и все становится ясно. Оказывается, один мужик пытается с помощью спичек объяснить другому, что такое конституция.

– Видишь вот эту спичку – это император. Теперь смотри на эту спичку – это императрица. Вот эта – царевич, та другая – великий князь Павел, вон те – остальные великие князья. Ну, прочие спички – это министры, чиновники, генералы, митрополиты…

Все спички из коробки разложены. Каждая – на своем месте, как и положено в империи. Этикетке тоже нашлось место.

– Вот так! Ну а теперь я тебе покажу, что такое конститу-

ция. Вот так, вот так, вот что такое конституция!

И первый мужик одним движением перемешивает все спички. Второй мужик ничего не понял.

– Поди теперь, найди императора!

На этот раз тот, второй, кажется, понял.

Апрель 1905 г.

Бритье

– Когда господин Жюль бреет императора, – говорит мне скромный фигаро, которому я доверил свою голову, – он всегда спрыскивает его «португалом». Или вы предпочитаете фиалку?

– Португал, Франсуа, португал, буду пахнуть, как император… А как часто господин Жюль бреет его величество?

– Раз в две недели. И император каждый раз дает ему десять рублей.

– Вот это да! Получается двадцать рублей в месяц.

– Так и у парикмахера есть расходы. Ведь господин Жюль сам ездит к его величеству.

– Да уж я догадываюсь, Франсуа, что не его величество…

– То-то и оно! Господин Жюль ездит и к великим князьям. Те платят по пять рублей… Бороду будем стричь машинкой?..

– Машинкой… Скажите, Франсуа, что это за господин

сейчас зашел, и почему вокруг него поднялся такой шум?

– А! Это же М.К… Как, вы не знакомы с М.К.? Невероятно веселый молодой человек. Знаете его последнюю выходку? Он допьяна напоил императорских лошадей…

Кровавое воскресенье

– Эй, Франсуа! Что вы такое говорите? Императорские лошади пьют спиртное?

– Я уже вам говорил, что имею честь общаться с… Так вот, М.К. два дня тому назад отдыхал в одном ресторане с дамами и шампанским… А как раз в это время мимо ресторана проходил императорский казачий эскадрон. М.К. окликнул командира эскадрона и предложил ему выпить бокал шампанского за здоровье его величества. Отказаться, как вы понимаете, невозможно. Ну, М.К. пригласил и остальных офицеров, те спешились и присоединились к командиру. Спешились и казаки. Каждому выдали по кружке водки. Ну, а поскольку все пируют, то и животным тоже поднесли водки. А так как солдатам налили по полной кружке, то лошадям, понятно, по ведру. Лошади к такому делу непривычны, и когда эскадрон продолжил путь, они уже не смогли держать строй. В общем, они скакали, словно помешанные, а на другой день и вовсе отказались покидать конюшню под тем предлогом, что у них похмелье.

– Кто отказался? Лошади?..

– Так говорят… А что вы, месье, думаете по этому поводу?

– Видите ли, друг мой, я человек старой закалки. Полагаю, что война, доброе вино и любовь прекрасно сочетаются друг с другом.

– Вот и я говорю, месье. Русские никогда еще так не влюблялись, как во время нынешней войны. Сроду не наблюдал я таких блестящих и необычных женитьб.

– Ну-ну, расскажите…

– Сначала помоем голову, месье. Не поднимайтесь… Опустите голову! Ниже… еще ниже… Вам давно не мешало помыть голову!.. Месье, наверное, помнит, что генерал Сахаров, тот, что брат военного министра, с самого начала военных действий…

– Очень уж изящно вы выражаетесь, Франсуа.

– Убедительно прошу вас помолчать, не то сожгу вам усы. Так вот, генерал Сахаров был назначен начальником генерального штаба и направлен в Манчжурию. В то же самое время в свой полк, квартировавший в Манчжурии, выехал один полковник вместе с женой. Время военное, и она по такому случаю сделалась сестрой милосердия. А была она невероятно красивая, и генерал Сахаров, как увидел ее, так влюбился без памяти. А тут еще генерал Куропаткин увидел ее и тоже влюбился.

– Вот это да, и Куропаткин туда же…

– Сразу видно, месье, что вы журналист. Такая у вас работа, не знать то, что известно всем и каждому.

– Франсуа, вы выразились невероятно красиво.

– Будем здесь делать зачес?.. Так вот, Куропаткин и Сахаров вдруг стали непримиримыми соперниками…

– А как же полковник? Он-то чем занимался в это время?

– Его отправили на передовую. Жена полковника воспользовалась сильной занятостью мужа и развелась. Генерал Сахаров, глядя на нее, тоже развелся. А потом они оба, словно сумасшедшие, стали наслаждаться свалившейся им на голо-

вы свободой. Тут уж генералу Куропаткину ничего не оставалось, как заняться этими японцами… Пробор слева делать будем?

– Нет, Франсуа. Значит, Сахаров и жена полковника поженились, но где?

– Как где, в Мукдене!.. Пока там дрались… Получается, пробор справа?

– Нет, Франсуа… А что по этому поводу говорит сама госпожа Сахарова?

– В один прекрасный день она узнала, что по высочайшему повелению она разведена, и это ее сильно огорчило… Месье носит пробор посередине?

– Нет, Франсуа. Вот так историю вы мне рассказали…

– Все об этом знают. Никто не скрывает, что начальник генерального штаба развелся. Никто также не скрывает, что он опять женился. Но вы же знаете, что генерала Сахарова освободили от занимаемой должности и вызвали в Петербург. И сделали это совершенно напрасно, ведь вы сами сказали, месье, что война и любовь прекрасно сочетаются… Хочу только заметить, что если месье не носит пробора ни слева, ни справа, ни посередине…

– Это значит, что я вовсе не ношу пробора. Надо, чтобы волосы были в симпатичном беспорядке, Франсуа… Вот так прекрасно…

– А вы в курсе, месье, последних новостей из Манчжурии? Говорят, что там возобновляются боевые действия, и на этот

раз мы не будем отступать.

– Так говорят. Почему вы улыбаетесь, Франсуа?

– Я вовсе не улыбаюсь.

– Да ладно, я же вижу вас в зеркале.

– Хорошо, если вы настаиваете, я скажу вам, почему я улыбнулся. Недавно мне довелось прочитать одно забавное письмо, в котором говорилось о знаменитом плане Куропаткина. Он, как вы знаете, состоит в том, чтобы непрерывно вести отступление. И вот один солдат написал своим родителям из Ляояна: «Слава Богу! Мы все время отступаем. Если так будет продолжаться, к Пасхе вернусь домой…»

– Посмотрите, месье налево, но так, чтобы было незаметно. Узнаете того господина, который только что сел в кресло?.. Это императорский оружейник. Он снабжает оружием и патронами императора и великих князей. Так вот, он изготавливает специальные пули для каждого из этих знатных господ с тем, чтобы всегда можно было определить, кто из них на самом деле подстрелил дичь. Теперь ошибки быть не может. Например, у одного великого князя пули из желтой меди, а у другого…

– А у императора, Франсуа, какие пули?

– У императора?.. Прикажете освежить?.. У императора?.. Закройте глаза… У императора, месье, пули никелированные.

Апрель 1905 г.

Что будет завтра?..

Куда мы идем? Что будет, так сказать, завтра? Те, кто по долгу службы отвечают за положение дел в будущем, даже не пытаются заглянуть в завтрашний день.

Во всей административной неразберихе, созданной бесчисленными указами, приказами, декретами, манифестами и распоряжениями, которые противоречат и отрицают друг друга, особое место занимает странная ситуация, сложившаяся вокруг православной церкви. Чем суждено ей стать, рыбой или мясом? Святейший синод сочли бесполезным и даже вредным, после чего его мгновенно упразднили, имея в виду учредить вместо него патриаршество. Но вот теперь император, поразмыслив, отказался от патриаршества. Это значит, что поместный собор не состоится.

А ведь с кандидатурой патриарха уже определились. Им со всей очевидностью должен был стать митрополит Санкт-Петербургский Антоний. Говорят, что это умный интеллигентный человек широких взглядов, который не стесняется говорить вслух то, что он думает. Я решил нанести визит этому святому человеку.

И вот я явился в епархиальное управление. Для этого мне пришлось пройти через кладбище, которое, в каком-то смысле, играет роль вестибюля по отношению к зданию епархиальной администрации. Я вошел в здание и оказался

в роскошном помпезном помещении. На скамьях в ожидании приема расположилась группа женщин явно простонародного происхождения. Каждой из них была назначена индивидуальная аудиенция, по завершении которой женщина выходила со слезами на глазах и шепча молитву. Наконец и мы с переводчиком дождались своей очереди. Русский папа вышел нам навстречу и с чувством пожал мне руку. Митрополит оказался крепким и красивым мужчиной. У него, наверное, самые красивые в мире глаза и бриллиантовый крест на клобуке, который сам по себе стоит целого состояния. Он спросил, что привело меня к нему. Я сказал, что меня очень интересует его отношение к происходящим событиям в целом и в частности к тем событиям, которые беспокоят православную церковь. На это он ответил, что ему бы хотелось, чтобы были приняты такие решения, которые позволили бы церкви возрадоваться. Я не удовлетворился таким ответом и спросил, что он думает о реформировании гражданского общества, с требованием которого выступает образованная часть русского народа. На это он ответил, что ему бы хотелось, чтобы были приняты такие решения, которые позволили бы русскому народу возрадоваться.

Но и такой ответ меня не удовлетворил, и поэтому я спросил, что он думает о текущем моменте и о необходимости предотвратить грядущие катастрофы и покончить с войной, от которой страдает весь мир. На это он ответил, что ему бы хотелось, чтобы были приняты такие решения, которые поз-

волили бы всему миру возрадоваться.

После этих слов мы расстались добрыми друзьями.

Вполне возможно, что царь, собиравшийся восстановить патриаршество, похороненное Петром Великим, убоялся возврата к далекому прошлому. Патриаршество, надо полагать, вещь полезная, но патриарх может оказаться крайне опасной фигурой, в особенности когда он возглавляет столь фанатично настроенный народ. У Петра, конечно, были свои резоны, когда он решил упразднить патриаршество, а его далекому потомку надо обладать немалым мужеством, чтобы решиться реформировать дела Великого реформатора.

Во времена Петра духовенство было одной из самых влиятельных сил Российского государства. Его богатства были неисчислимы. В собственности монастырей находилось почти девятьсот тысяч крепостных рабов. Одному лишь Свято-Сергиевскому монастырю, расположенному рядом с Москвой, принадлежало девяносто две тысячи крепостных.

При этом размеры материального богатства церкви нисколько не соответствовали ее заслугам перед страной. Все духовенство снизу доверху отличалось крайним невежеством и в моральном плане полностью разложилось. Монастыри служили прибежищем для множества бродяг, большинство из которых не прочитали в своей жизни ни одной молитвы. Монахами и монахинями становились либо авантюристы, либо те, кто стремился уклониться от тяжелых повинностей, либо любители сытой и праздной жизни. Сонмы

таких жуликов, принявших постриг, слонялись от монастыря к монастырю, заполоняли города и села, устраивали повсюду скандалы и нарушали нормальное течение жизни. Все это побудило Петра в ходе подготовки радикальной реформы разработать и издать соответствующий регламент. Это очень любопытный документ, больше похожий на памфлет. Согласно воле Петра, священникам запрещалось демонстрировать связь с потусторонними силами, впадать в экзальтацию, проводить службы в часовнях, находящихся на попечении вдов, и вдобавок ко всему запрещалось, чтобы их посещали видения.

Но Петру было недостаточно упразднить патриаршество. Чтобы навеки похоронить его, он явил миру лжепатриарха, обряженного в шутовской колпак и ставшего посмешищем для православного мира. По свидетельству Кампредона, лжепатриархом царь назначил горького пьяницу, специально чтобы продемонстрировать смехотворность патриаршей власти.

При таком «понтифике», которому обязаны были подчиняться епископы, Петр учредил всепьянейший собор. Это было официальное учреждение, над уставом которого Петр работал накануне Полтавской битвы. Члены собора должны были являться в дом «князя-папы» (таков был титул лжепатриарха), именовавшийся Ватиканумом, где им предписывалось через посредство четырех заик воздавать почести новому папе. Затем на них надевали красное платье и вели в зал

консистории, «меблированный» одними лишь винными бочками, выставленными вдоль стен. Царь лично участвовал в пьяных оргиях и следил за соблюдением всех предписанных правил. Каждый член собора курировал одного из епископов, следя за тем, чтобы тот напивался и участвовал в диких оргиях, сопровождавшихся непристойными проделками.

Не исключено, что Николай II вспомнил про петровского «князя-папу»…

Итак, поместный собор отменили. О собрании народных представителей, созыва которого требует вся страна, даже не вспоминают. Но что-то в этом смысле делать надо. Поэтому император издал указ о проведении в Москве съезда предводителей дворянства и руководителей земств. Цель съезда известна: общественные деятели должны решить, в чем состоят национальные интересы России. Председательствовать на съезде должен был Д.Н. Шипов. В ходе подготовки съезда началось формирование политических партий. Уже вовсю шли дискуссии, велась подготовка к будущим политическим битвам. И тут министр внутренних дел, человек крайне осторожный, объявил, что вероятность созыва съезда, как и проведения любых других ассамблей, практически ничтожна. Проведение съезда предводителей дворянства и земских деятелей так и осталось очередным царским обещанием, таким же, как и созыв собрания народных представителей, в который никто уже не верит.

В ожидании, когда пробьет час реформ, о проведении ко-

торых говорилось столь часто и столь торжественно, царь сделал первый шаг в этом направлении, начав с реформирования… великого князя Алексея. Он уходит со всех постов и будет несказанно рад, если ему позволят прокатиться во Францию. Но, увы, при нынешних умонастроениях максимум, что ему позволят, это совершить путешествие в Манчжурию. Хотя власти это явно ни к чему…

В целом же жизнь членов императорской семьи не назовешь беззаботной.

Великий князь Константин Константинович, известный поэт, грустит по тем временам, когда он печатал сборники лирических стихотворений и ставил «Гамлета» в Эрмитаже. Великий князь Андрей Владимирович пишет диссертацию, готовясь указать на своих визитных карточках: военный юрисконсульт. Великий князь Петр Николаевич остается одним из главных акционеров сталелитейных заводов «Steehl». Великий князь Георгий Михайлович, нумизмат, публикует каталоги. Великий князь Александр Михайлович пишет книги о военно-морском флоте… вчерашнего дня. Принц Ольденбургский твердит об оздоровительном значении курорта Гагра, а его жена занимается изготовлением конфет. Великая княгиня Ольга, сестра царя, пишет акварели. Великий князь Михаил, брат царя, увлечен своей детской железной дорогой в Гатчинском парке…

Самым изысканным развлечением в Санкт-Петербурге считается посещение субботних представлений в Михайлов-

ском театре. Правда, теперь это уже вчерашний день. Конечно, публика по инерции продолжает по субботам ходить в Михайловский театр, но представления уже не те, что были в прошлом! Во-первых, их больше не посещает император, да и кто-то из великих князей, рискнувший показаться в императорской ложе, сделал это в последний раз.

Император – отменный зритель. Он очень внимательный, часто смеется, и его легко растрогать.

Зато великие князья при посещении театра демонстрируют изрядный скептицизм. Например, великий князь Алексей, пока шел спектакль, мастерил из программок бумажных птичек и выкладывал их на ограждение ложи, расположенной над сценой. Но тут на сцене неосторожно взмахнули веером, и птички посыпались вниз. Великий князь потребовал, чтобы принесли другие программки, и сделал из них новых птичек… В тот вечер давали очень мрачную драму, но публика не скучала…

Незадолго до объявления войны император посетил Мариинский театр, где выступала Садаякко. В тот момент, когда на сцене делали харакири, Николай II встал и произнес: «Эти японцы совсем не забавны. Лучше ходить на французов.» В тот же вечер он отправился в Михайловский театр, где давали «Тоску». После увиденного харакири все эти истории с начальником полиции Скарпиа и в целом пьеса Сарду были восприняты им как милая пастораль, которой император горячо аплодировал.

1905 год

В день объявления войны император находился в Михайловском театре. Я хочу сказать, что в тот день, когда император узнал о нападении японцев, он находился в своей ложе, слушал оперу Верди «Иерусалим» и наслаждался игрой Сюзанны Мюнт, демонстрировавшей его величеству всю мощь своего таланта. В тот момент, когда прозвучала знаменитая тирада с осуждением войны, которой весь содрогнувшийся зал горячо аплодировал, царю принесли телеграмму с сооб-

щением о внезапной атаке японских миноносцев и нападении на Порт-Артур. Царь поднялся, покинул ложу и больше уже в театр не возвращался.

Невидимая эскадра

Вполне вероятно, что вскоре для усиления Тихоокеанской эскадры отправится еще одна эскадра, загадочная эскадра адмирала Рожественского. Когда я говорю «вполне вероятно», это означает, что, возможно, экспедиция не состоится…

Я уже отчаялся получить достоверную информацию на этот счет, и поэтому говорю вам: когда эскадра тронется в путь, вы об этом сразу узнаете. В этом смысле у вас, читатели, больше шансов, чем у меня, поскольку мне так и не удалось ее увидеть. Мои коллеги находятся точно в таком же положении, что, однако, не мешает им давать описания эскадры…

Тем не менее, мне не терпелось лично убедиться в ее существовании. По этой причине я отыскал адмирала Рожественского, который уверенным тоном заявил, что мне достаточно добраться пароходом до Кронштадта и в тамошней гавани встретиться с его офицерами. На следующий день я явился в офицерское собрание Кронштадта, где меня принял князь Церетели. Он специально дожидался моего прибытия.

– Адмирал, – сказал мне князь, – предупредил о вашем

визите. Что бы вы хотели выпить?

– Чашку чая, князь, чашку обычного чая.

Князь представил меня своим коллегам, пригласил присесть рядом с ним, и тут принесли чайник с чаем. Внезапно я заметил, что жидкость, которая лилась из чайника, как-то странно пенилась. Человек я опытный и осторожный, и тем не менее лишь после того, как, глотнув, я распознал вкус вина моей страны, до меня дошло, что в чайник вместо чая налито шампанское. Поняв это, я сделал вид, что так и должно быть.

Князь оказался чудесным собеседником. Манеры у него точь-в-точь как у настоящего парижанина, притом что говорили мы о Кавказе. Князь оттуда родом и обожает родные края. Проговорили мы целый час, и за это время успели добраться до самой сердцевины Кавказских гор. Продвигаясь от одного пункта к другому, я хочу сказать, от одного чайника к другому, мы прошли самыми крутыми тропами, взобрались на самые восхитительные горы, когда пешком, а когда и на лошадях, и в итоге князь настолько увлекся, что расстаться с Кавказом и вернуться в Кронштадт стало просто невозможно. Вы не можете себе представить, до какой степени моряку неприятно говорить о флоте, на котором он имеет честь служить. Когда, оказавшись на живописной дороге, ведущей в Тифлис, я напомнил князю об адмирале Рожественском и эскадре, с которой я хотел ознакомиться, он мне ответил, что на Кавказе в ходу более двухсот диалектов, и всеми ими

он владеет. После этого заявления князь принялся рассказывать мне самые забавные и самые непонятные на свете вещи на каждом из этих диалектов.

Броненосец «Потемкин»

Мы уже подошли к десятому диалекту и пятнадцатому чайнику (у нас вышло примерно по два чайника на каждого присутствующего, и при этом было очень странно наблюдать, сколь быстро опустошается чайник, в который налили шампанское), как вдруг явился матрос предупредить меня,

что уже объявили о скором отплытии парохода до Петербурга.

Эскадры я так и не увидел, зато князю достойно отомстил.

Я пригласил его к себе в Петербург на легкий ужин, и когда князь явился, выставил только одну бутылку шампанского, в которую был налит чай.

Май 1905 г.

Рождение русской надежды…

Я хочу, чтобы вы поняли, насколько свободной здесь почувствовала себя пресса. Для этого приведу отрывок из фельетона, напечатанного в газете «Новое время». Это весьма респектабельная и верноподданническая газета. Автором фельетона является очень талантливый писатель господин Меньшиков. Каждое воскресенье в «Новом времени» печатается письмо Меньшикова к читателям, которого все ждут с большим нетерпением. Письмо написано в виде диалога двух друзей, Марка Петровича и Тодта. Они давно не видели друг друга и вот, наконец, повстречались:

«– Я больше не выхожу днем на улицу…

– Это почему?

– Как тебе сказать? Хочешь верь, хочешь нет, но каждый раз мне это очень неприятно. Мне стыдно! Да, я стыжусь себя, других людей, да и вообще всех на свете.

На улицу выходить стыдно, дома оставаться стыдно, просто жить стало стыдно!

– Да что случилось?

– Как это что случилось? Народные массы обнищали. Голод стал хроническим явлением. Людей сорвали с родной земли, и они бродяжничают по всей огромной территории России. А когда человек свыкается с бродяжничеством, у него пропадает привычка трудиться, он становится бездельником, босяком. Мы без остановки катимся в пропасть.

Марк Петрович замолчал.

– Так что же, по-твоему, надо сделать в России?

– Зря ухмыляешься! По-моему, а я уверен, что и ты тоже так считаешь, России необходима новая жизнь! Да ты же сам все понимаешь, ведь ты мыслишь, как и я. России требуется обновление, ей нужна свобода, а иначе она погибнет!

– Ты хочешь сказать, что нужны новые реформы?

– Да не реформы, а одна сплошная реформа, что-то вроде реформации в Европе. Нужны не мелкие шаги, а всеобщее и полное переустройство до самого основания!

Мы всегда знали, что именно требуется России, но так ни к чему и не пришли. Нас звали пробудить народ, а вместо этого каждый из нас на свой лад лишь усыплял его. В итоге у нас нет ни энергии, ни ясности, ни обновления! Мы ничего не дали народу, который пропадает в грубости и невежестве.

Мы с безразличием взираем на наш народ, который

бьется, словно рыба, пойманная в сеть. Мы обо всем писали, все видели: голод, безземелье, нищенство, эпидемии, бродяжничество, всеобщую неграмотность. И вот теперь на нас напал враг, а у нас даже нет сил его остановить.

Поэтому-то на нас и сыплются проклятья. Ведь мы должны были стоять на страже народных нужд, а в действительности все проспали. Тебя удивляет, что я испытываю нестерпимый стыд, а вот мне иной раз кажется, что я сошел с ума. Таинственный строгий голос, идущий из народной толщи, кричит мне в ухо: „Предатель!“ Вот потому-то мне и стыдно.

Полагаю, что и вы все также испытываете стыд!..

Они замолчали.

– Становится сыро, – сказал Тодт, – пойдем по домам!»

Я воздержусь от того, чтобы давать какие-либо оценки фельетону господина Меньшикова.

Однако все говорит о том, что происходит что-то новое на берегах Невы, и мы еще станем свидетелями реформ, о которых и помыслить было невозможно до того, как случилась катастрофа под Ляояном. Об этом свидетельствует тот факт, что газета умеренного направления без каких-либо неприятных последствий смогла напечатать фельетон, отличающийся такой философской глубиной и таким критическим размахом. Содержащиеся в фельетоне мысли были высказаны смело, без укоренившейся боязни привычных кар. И вот уже одни люди безбоязненно требуют расширения полномочий муниципальных органов, другие – строительства новых школ, и из всего этого следует, что к русскому народу уже не применимы слова Достоевского, утверждавшего в «Записках из мертвого дома», что грамотного человека можно найти только на каторге.

В общем, страдания не бывают напрасными, и многовековая боль приносит свои плоды. А разве мы, во Франции, не прошли через такой же исторический опыт? Разве не в таких же муках рождалась современная Франция? Вот и в России появляется на горизонте новая жизнь, словно солнце встает над Петропавловской крепостью и своими лучами золотит политую кровью землю. Пушечные выстрелы не салютуют

новой жизни, молчат бесчисленные церковные колокола, и лишь сердца, сердца всех мыслящих людей отныне бьются в унисон. Русская надежда, наконец, родилась!

Май 1905 г.

Троица

Вместе с мужиками я отправился на богомолье в Троице-Сергиевский монастырь. Я счастлив, что совершил это путешествие. Ведь только благодаря ему я понял смысл этого слова: молитва. Я своими глазами видел, как совершается поклонение русскими людьми, поклонение мистическое, таинственное и фанатичное.

Здесь собралось великое множество нищих и обездоленных. И все они благодарны своим господам за то, что те построили великолепные храмы. В этих храмах собраны баснословные богатства, и народ молится в них с самого рассвета. Главное, чего хотят явившиеся сюда люди, это обрести надежду. Ее им дают святые образа, перед которыми люди падают ниц и истово крестятся. Обретенная надежда делает людей добрыми и… терпеливыми. Чтобы человек не забывал о том, что его ждет на небе, если он страдает на земле, весь его жизненный путь украсили образами, свечами, крестами и алтарями. Все это встречается человеку на каждом шагу и освящает его каждодневные труды и тяготы. Чело-

век прерывает свой труд лишь для того, чтобы осенить себя крестным знамением. В самых уродливых и вульгарных жилищах обязательно устраиваются молельные уголки. Даже билеты на поезд люди приобретают под ласковым взором Богородицы. Думается, что благодаря этому человек отвлекается от мыслей о слишком тяжком труде и слишком тяжело дающейся копейке…

Москва считается святым городом, и я решил охватить взглядом сразу все храмы, в которых в любое время полным-полно народа. С этой целью я поднялся на колокольню Ивана Великого. Она возвышается над Кремлем, а также над всем городом и окрестностями. Мне удалось увидеть все, что простирается за пределами кремлевской крепости, вместившей в себя изрядное количество церквей и дворцов. Моему взору открылась величественная картина, вобравшая в себя колоссальное соцветие разноцветных куполов, придающих Москве вид восточного города. Я увидел бесчисленное количество православных храмов и не столько насладился открывшимся видом, сколько удивился, когда узнал, что все эти храмы не в состоянии вместить всех стремящихся попасть в них людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.